

Ю. Л. Ореханов**Л. Н. Толстой и Оптиная пустынь**

В статье рассматривается значение монастыря Оптиная пустынь в жизни Л. Н. Толстого. Констатируется то обстоятельство, что «оптинское христианство» стало для Л. Н. Толстого своеобразным эталоном, причем даже в период резкого обострения конфликта с Русской Православной Церковью. Важная роль при этом принадлежала младшей сестре писателя, М. Н. Толстой, именно поэтому выбор маршрута последнего в жизни путешествия Л. Н. Толстого не был для него случайным.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, православие, Оптиная пустынь, конфликт.

Ju. L. Orekhanov**L. N. Tolstoy and the Monastery of Optina**

In the article the meaning of the Monastery of Optina in L. N. Tolstoy's life is considered. The circumstance is ascertained that "Optina Christianity" became a certain standard for L. N. Tolstoy, and even during a hard escalation of the conflict to the Russian Orthodox Church. The younger sister of the writer had an important role, M. N. Tolstaya, the choice of the route of L. N. Tolstoy's last travel in his life was not accidental.

Keywords: L. N. Tolstoy, Orthodoxy, the Monastery of Optina, a conflict.

Оптиная пустынь занимает особое место в жизни Л. Н. Толстого. Этот монастырь был связан с семейными преданиями семьи Толстых, не случайно в нем похоронена родная тетка писателя, А. И. Остен-Сакен, а также графиня Е. А. Толстая, урожденная Ергольская, свекровь родной сестры Л. Н. Толстого, М. Н. Толстой; обе могилы находятся за алтарем Введенского собора. Хорошо известно, что недалеко от Оптиной подвизалась в монашеском делании и сама М. Н. Толстая. В своей биографии жена писателя, С. А. Толстая, подчеркивает, что «детям Толстым было внушено особое благоговейное чувство к Оптиной Пустыни и ее старцам» [1].

Оптиная пустынь была местом постоянного паломничества представителей старшего поколения семьи Толстых. Примечательный факт: Л. Н. Толстой, воспринимавшийся монахами пустыни как отступник, отлученный от Церкви, бывал в Оптиной чаще, чем любой другой русский писатель (конечно, за исключением К. Н. Леонтьева, который после своего обращения часто бывал, а с 1887 г. в течение четырех лет проживал в монастыре). В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, какое значение монастырь сыграл в истории так называемого духовного переворота Л. Н. Толстого, приведшего к радикальному разрыву с Русской Православной Церковью.

Трудно точно сказать, сколько раз в общей сложности писатель посещал Оптину пустынь. В юбилейном Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого в примечаниях к его дневникам говорится только о тех посещениях писателем монастыря «в зрелом возрасте» (ПСС. Т. 58. С. 567. Примеч. 1595), которые нашли отражение в записях самого Толстого и в воспоминаниях различных лиц. Таким образом, о детских поездках в Оптину достоверной информации у исследователей нет. Существует вполне вероятное предположение, что впервые писатель побывал в монастыре в 1841 г., именно на отпевании А. И. Остен-Сакен. Однако, как указывает в воспоминаниях Д. П. Маковицкий, во время последнего пребывания в Оптиной пустыни писатель сообщил ему, что несколько раз бывал здесь у своей тетушки А. И. Остен-Сакен [2]. Итак, о ранних посещениях монастыря Л. Н. Толстым нет сведений, но зато многое известно о других его поездках.

Первая «зрелая» поездка писателя в Оптину пустынь состоялась летом 1877 г. вместе с Н. Н. Страховым. Писатель два раза встречался со старцем Амвросием, который, по отзыву Н. Н. Страхова, произвел сильное впечатление на Толстого [3].

С. А. Толстая сообщает, что подробности разговоров Л. Н. Толстого со старцем Амвросием неизвестны, но это не совсем так. Очень интерес-

ную деталь путешествия приводит Н. Н. Гусев. В доме Д. А. Оболенского, к которому писатель заехал после посещения Оптиной пустыни, Толстой рассказал, что старец Амвросий интересовался, в каком произведении Л. Н. Толстого так хорошо описана исповедь. «Амвросий спросил об этом потому, что к нему приходил незнакомый ему мужчина, который сказал, что хочет поступить в монастырь под влиянием прочтенного в романе Толстого описания исповеди. По этому случаю Толстой сказал, что он четыре раза переделывал главу об исповеди Левина, потому что ему все казалось, что видно, на чьей стороне автор в разговоре Левина со священником. Сам он был на стороне священника, а не Левина» [4].

В этой поездке у Толстого состоялась встреча с архимандритом Ювеналием (Половцевым), проживавшим в пустыни на покое, в присутствии монаха Пимена, который ласково называл Толстого Левушкой. По отзыву П. А. Матвеева, Л. Н. Толстой говорил Н. Н. Страхову следующее: «Ювеналий человек умный и образованный, но таких встречаешь и в свете, а я до таких не большой охотник. Амвросий же удивительный человек» [5].

В своей переписке с Л. Н. Толстым Н. Н. Страхов сообщает (со слов П. А. Матвеева) об этой поездке следующее: «Отцы хвалят Вас необыкновенно, находят в Вас прекрасную душу. Они приравнивают Вас к Гоголю и вспоминают, что тот был ужасно горд своим умом, а у Вас нет этой гордости. Боятся, как бы литература не набросилась на Вас за 8-ю часть и не причинила Вам горестей. Меня о. Амвросий назвал *молчуном*, и вообще считают, что я закоснел в неверии, а Вы гораздо ближе меня к вере. И о. Пимен хвалит нас (он-то говорил о Вашей прекрасной душе) – очень было и мне приятно услышать это» [6]. На это письмо Л. Н. Толстой ответил Н. Н. Страхову: «Сведения, которые вы сообщили мне о воспоминаниях о нас оптинских старцев, и вообще воспоминания о них мне очень радостны» [7].

Но существуют и свидетельства другого рода: несмотря на свои попытки жить духовной и церковной жизнью, в этот свой приезд в Оптину Толстой получил серьезное предупреждение, которому не внял. По воспоминаниям приехавшего вскоре в Оптину пустынь П. А. Матвеева, оптинские старцы констатировали наличие некоего недуга писателя. Письмоводитель старца Амвросия отец Климент (Зедергольм) приводил мнение прп. Амвросия, который смотрел на будущую деятельность Толстого с прискорбием: сердце его ищет

Бога и веры, но он слишком полагается на свой ум и большой рационалист, поэтому в мыслях у него путаница и неверие. Прп. Амвросий предвидел много бед от Л. Н. Толстого, который способен оказать большое влияние на умы. Сам прп. Амвросий подтвердил этот вывод: Толстой горд духовной гордостью и много вреда принесет своим «произвольным и суемудрым» толкованием Евангелия, которое до него якобы никто не понимал правильно [8].

Таким образом, обращает на себя внимание то, насколько рано оптинские старцы определили содержание этого духовного недуга: при всем своем стремлении к православию он внутренне, глубоко далеко от него отстоял.

Все остальные путешествия в Оптину имели место уже после духовного переворота и в период обостренно-критичного отношения писателя к Церкви. При этом образ Оптиной пустыни, память о ней, память о старце Амвросии постоянно жили в его душе, эта память присутствует в его дневниках, это показывает, какое большое значение монастырь имел в его жизни.

В 1881 г. писатель совершает пешее путешествие в Оптину пустынь в обличье крестьянина со слугой С. Арбузовым; во время пребывания в монастыре происходит «столкновение» со старцем Амвросием в ходе очень продолжительной беседы [9]. По всей видимости, спор шел о мощах и загробной участи праведников, кроме того, писатель «уличал» старца в незнании Евангелия. В итоге Л. Н. Толстой квалифицировал веру старца как «болезненную» (ПСС. Т. 49. С. 144).

И в этот визит у Толстого имела место встреча с архимандритом Ювеналием, в ходе которой Л. Н. Толстой отстаивал свои взгляды на войну и судебные учреждения, а также «начальство и власти» (ПСС. Т. 49. С. 143).

Постепенно отношение писателя к оптинским старцам меняется. Характерно, что в письме к В. Черткову от 9 сентября 1889 г. он противопоставляет старцам, которые поучают, благословляют и пророчествуют (очевидно, все это имеет теперь для Толстого отрицательный смысл), жизнь смиренного параличного больного, иеродиакона Мефодия, который не мог даже толком изобразить на себе крестное знамение и принес многим большую душевную пользу (см.: ПСС. Т. 86. С. 257).

Следующий приезд в монастырь с дочерьми Татьяной и Марией и племянницей В. Толстой имеет место в 1890 г., 25–28 февраля [10]; снова происходит встреча со старцем Амвросием, которая в критическом ключе описана в дневнике пи-

сателя (27 февраля 1890 г.), а также с К. Н. Леонтьевым, с которым также имеет место ожесточенный спор. Интересно, что если впечатление от разговора с Л. Н. Толстым у К. Н. Леонтьева было крайне негативным, то писатель, наоборот, отметил в своем дневнике: «Достиг терпимости православия в этот приезд» (ПСС. Т. 51. С. 23–24; примечательно, между прочим, что этот приезд Л. Н. Толстого в Оптину в данном отрывке им самим назван третьим!), а беседу с К. Н. Леонтьевым вспоминал как «прекрасную». Интересна запись по поводу данной поездки и встречи с прп. Амвросием в дневнике А. В. Богданович (со слов сестры писателя, М. Н. Толстой): «Его беседу с ним сестра его не слышала, но после нее Толстой менее стал нападать на монастыри и начал высказывать большее снисхождение к чужим мнениям» [11].

Наконец летом 1896 г. писатель приезжает в монастырь с женой, С. А. Толстой, и встречается со старцем Иосифом (Литовкиным), бывшим келейником прп. Амвросия, к тому времени уже почившего, а также с сестрой М. Н. Толстой в Шамордино.

После этой поездки в письме сестре от 17 сентября 1896 г. из Ясной Поляны Толстой, посылая ей некоторые книги, просит: «Передай их от меня игуменье вместе с выражением моих чувств уважения, благодарности и симпатии <...> С большим удовольствием и умилением вспоминаю пребывание у тебя. Передай привет всем монахиням знакомым» [12].

Последним было пребывание писателя в Оптиной пустыни незадолго до смерти, в октябре 1910 г., после ухода из Ясной Поляны.

Конечно, принципиально важное значение при этом имеет то обстоятельство, что более 20 лет недалеко от Оптиной проживала родная и горячо любимая писателем сестра, графиня М. Н. Толстая.

Мария Николаевна Толстая, младшая сестра Л. Н. Толстого, родилась 2 марта 1830 г. Есть сведения, что в возрасте 11 лет Маша Толстая также ездила в Оптину пустынь вместе со старшими братьями прощаться с умирающей тетушкой А. И. Остен-Сакен и встречалась с прп. старцем Леонидом Оптинским, предсказавшим ей: «Маша будешь наша» [13].

В 1888 г. М. Н. Толстая переживает глубокий религиозный перелом и в течение двух лет окормляется у известного московского священника, прот. В. Амфитеатрова, служившего в Архангельском соборе, который не одобрял наметившегося

уже в это время стремления М. Н. Толстой к монашеской жизни. Тем не менее, в октябре 1889 г. она на некоторое время поселилась в Белевском женском монастыре Тульской епархии. 16 декабря 1889 г. М. Н. Толстая пишет Л. Н. Толстому, что в своей жизни «поставила точку» и что «вера в Духа Святого уяснит многое, во что тебе и подобным тебе кажется невозможным верить и во что я верю слепо, без колебаний и рассуждений, и нахожу, что иначе верить нельзя» [14]. В этом же году состоялась ее первая встреча с прп. Амвросием, который благословляет ее на жизнь в Шамординском монастыре, сам выбирает место для кельи и даже рисует ее план.

В упоминавшихся неопубликованных воспоминаниях «Моя жизнь» С. А. Толстая, рассказывая о посещении Шамордина вместе с Л. Н. Толстым летом 1896 г., подчеркивает, что к умершему старцу Амвросию М. Н. Толстая «имела фанатическое обожание». Далее она замечает: «Вообще меня поразило хороший дух этого монастыря: смиренный и радостный <...> В этой толпе 700-т женщин, самых разнообразных сословий и положений чувствовалась какая-то наивность и искренность веры» [15]. В Казанской женской Шамординской общине М. Н. Толстая жила с 1892 г. При этом, вопреки распространенному представлению, она стала монахиней далеко не сразу: только в 1909 г. М. Н. Толстая приняла келейно пострижение [16].

М. Н. Толстая скончалась 6 апреля 1912 г. в возрасте 82 лет в Шамордине, проведя в монастыре в общей сложности 21 год и приняв за день до смерти постриг в схиму.

Переписка с младшей сестрой также занимает важное место в жизни Л. Н. Толстого. Отношения с М. Н. Толстой всегда носили, как было сказано, особенно нежный характер. Свое чувство к брату М. Н. Толстая замечательно выразила в письме его жене, графине С. А. Толстой, от 5 февраля 1902 г., то есть уже после обнародования синодального определения: есть два Толстых – писатель, «совсем другой человек: холодный, ожесточенный на Церковь и на служителей ее; а он, настоящий, *наш* Левочка, добрый, нежный, любящий Бога и Священников (хороших – не все же дурные). И вот за него, за такого молятся все, которые его знают и любят и верят <...> про меня и говорить нечего – я никогда в жизни так не молилась, и если Бог хоть одну мою слезу примет, то мы еще с ним поживем и увидимся еще в Ясной» [17]. В одной из бесед М. Н. Толстая заметила: «Никого нет для меня на свете дороже Левушки!» [18].

Никакие испытания и никакие несогласия не могли разделить брата и сестру, именно поэтому Л. Н. Толстой и нашел у нее последнее пристанище перед смертью. Однако М. Н. Толстая очень болезненно переживала религиозные разногласия с братом [19].

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что оптинские старцы и М. Н. Толстая в какой-то степени осуществляли связь Л. Н. Толстого с православием, пытаясь предостеречь его от отхода от Церкви, стремление к которому наметилось в жизни писателя в конце 1870-х гг. Более того, в течение всей жизни именно «оптинское христианство» стало для Л. Н. Толстого неким эталоном, образцом, даже тогда, когда писатель вступил в стадию острого конфликта не только с Церковью, но даже с самими старцами. Тем не менее, несмотря на этот конфликт, выбор маршрута последнего в жизни путешествия Л. Н. Толстого не представляется случайным или ситуативным: перед смертью он ехал туда, где его знали, помнили и были готовы выслушать.

Примечания

1. Толстая С. А. Моя жизнь / Публ. и подгот. текста И. А. Покровской и Б. М. Шумовой // *Новый мир*. – 1978. – № 8. – С. 50.
2. См.: Маковицкий Д. П. Уход Льва Николаевича // Л. Н. Толстой / Гос. лит. музей. – М., 1938. [Т. П]. (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 2). С. 458; см. также: ПСС. Т. 49. С. 143–144 и статью: Илларионов В. Оптина Пустынь в жизни Льва Толстого // *Оптинский альманах*. Оптина пустынь и русская культура. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь. – 2008. – № 2.
3. См.: Матвеев П. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов в Оптиной пустыни // *Исторический вестник*. – 1907. – № 4. – С. 153 (см. также воспоминания М. В. Нестерова: Нестеров М. В. Давние дни: Встречи и воспоминания. – М., 1959. – С. 281).
4. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1870 по 1881 г. – М., 1963. – С. 440–441.
5. Матвеев П. Цит. соч. С. 153. Архимандрит Ювеналий (Половцев) (1826–1904) – с марта 1898 г. архиепископ Литовский и Виленский, автор переводов на русский язык творений святых отцов, в том числе «Лествицы» прп. Иоанна Лествичника (1862), в 1874 г. выпустил двухтомник сочинений известного аскетического писателя XII в. прп. Петра Дамаскина, который, между прочим, мог служить одним из источников знаний по христианской аскетике для Ф. М. Достоевского (см. подробнее: Лурье В. М. «Братья Карамазовы». «Дневник писателя». Дополнения к комментарию // *Достоевский: материалы и исследования*. – 1991. – № 9. – С. 247).
6. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки. Т. I–II. Группа славянских исследований при Оттавском университете; Государственный музей Л. Н. Толстого, 2003. Т. I. С. 355. 8-я часть, которая упоминается в письме, – эпилог романа «Анна Каренина».
7. Там же. С. 361.
8. См. там же. С. 154–155.
9. С. П. Арбузов сообщает, что беседа продолжалась четыре часа (см.: Арбузов С. П. Гр. Л. Н. Толстой: Воспоминания С. П. Арбузова, бывшего служащего гр. Л. Н. Толстого: Дополнено биографическими данными из других авторов. – М., 1904. – С. 94), а сам писатель говорит о двух (см.: ПСС. Т. 49. С. 143).
10. См.: *Оптинский альманах*. – 2008. – № 2. – С. 130; *Неизвестная Оптина*. – СПб., 1998; К. Н. Леонтьев. Из эпистолярного наследия. Письмо к Т. И. Филиппову / Публ. и примеч. Г. М. Кремнева // *Трибуна русской мысли*. – 2002. – № 3.
11. Богданович А. В. Три последних самодержца. – М., 1990. – С. 139–140.
12. Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. – М., 1990. – С. 400.
13. Комарова Т. В. Одна из Шамординских монахинь: Мария Николаевна Толстая. – Тула, 2003. – С. 5.
14. Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 384.
15. Комарова Т. В. Цит. соч. С. 8–9.
16. Ксюнин А. Уход Толстого. Берлин, 1935. С. 90.
17. Об отлучении Льва Толстого: по материалам семейной переписки / Предисл., публ. и примеч. Л. В. Гладковой // *Октябрь*. – 1993. – № 9. – С. 189.
18. Дни нашей скорби: сборник статей и известий о последних днях Льва Николаевича Толстого. – М., 1911. – С. 132.
19. Несколько нетрадиционный портрет М. Н. Толстой присутствует в дневнике вел. кн. Константин Константинович, который указывает, что сестра Л. Н. Толстого «не очень всем нам нравится: есть что-то недоброе в выражении ее лица и тонких сжатых губок» (Афанасьева З. М. По этим стертým оптинским ступеням. Оптина Пустынь: люди и судьбы. – М., 2009. – С. 360). Впрочем, многие источники отмечают, что М. Н. Толстая обладала довольно тяжелым характером, имела страстную и нервную натуру, об этом пишет, например, ее племянник, сын Л. Н. Толстого, М. Л. Толстой (см.: Толстой М. Л. Мои родители // *Новый журнал*. Нью-Йорк, Кн. 94. – 1969. – С. 55–56).